

На свободу — с новой пьесой

Одним из самых ярких авторов проходившего во МХАТе фестиваля «Новая драма» стала заключенная

Известия — 2003 — 22 марта — с 13
 Автора привезли на премьеру в сопровождении конвоя: блондинки и мужчины в штатском. Екатерина Ковалева досиживает второй срок в женской исправительной колонии строгого режима ИК-6 Шахово. Ее первую в жизни пьесу «Мой голубой друг» представили на Новой сцене МХАТа им. Чехова в ходе декады «Новой драмы». После спектакля Ковалева, в парике и солнцезащитных очках, односложно отвечала на вопросы журналистов. Интерес к ней был больше как к дикинскому экспонату, однако текст пьесы ценен не только как «дикинский».

Осужденная Ковалева решила писать после семинаров, проведенных в колонии группой молодых драматургов из

проекта «Документальный театр» — ей показалось, что она может не хуже других. Правильно показалось. Наивная тюремная поэма про любовь в пересыльной тюрьме двух изгоев — «опущенного» художника-реставратора, которого лишила невинности родная мать, и «розовой» девушки Насти, изнасилованной группой футбольных болельщиков, действительно превращает факт жизни в факт литературы. В прошлом году на «Новой драме» в читке пьесы приняла участие Ингеборга Дапкунайте, потом пьеса прошла конкурс и теперь вот поставлена на сцене МХАТа. Главную роль бесстрашно и убедительно сыграла Евгения Добровольская. Постановщики —

Екатерина Волкова и Анна Афанасьева были в меру изобретательны и в меру скромны. «Как будто в одной камере с ними сидела», — сказала Ковалева, посмотрев спектакль. В жизни она почти не видела театра, кроме кукольного, но играла в тюремной самодеятельности, наличие которой в Шаховской зоне во многом заслуга местного психолога Галины Рословой. Скоро этот тюремный терапевтический театр приедет в Москву со своим «Королем Лиром». Все роли в нем, конечно, играют женщины. Кому-то из них за это сократят срок. После спектакля Екатерина КОВАЛЕВА дала интервью корреспонденту «Известий» Кристине МАТВИЕНКО.

— Вы хотели работать в театре кукол. Почему?

— Я маленько комплексуя, как и все детдомовские дети, а за широкой тебя никто не видит. Так мне этого хотелось, что убежала из детского дома. Шила тряпочные куклы и писала маленькие сценарии. Писала заметочки в стенгазету, короткие рассказы в районной газете, фельетоны, освоила жанр анекдотов. Потом все ушло: была травма головы, да и старенькая стала.

— Сколько вам лет?

— 45 почти. Лев, Крыса. Меня больше всего мучает вопрос: доживу до внуков или нет?

— Пьеса писалась мучительно?

— Вот стихи всегда как потуги. А пьеса на одном дыхании написана — при моем знании действительности...

— Какие-то пьесы читали раньше?

— До того, как начала писать, читала «Дворовую девчонку» Ребекки Причард (книжки по драма-

тургии привезли для семинара. — «Известия»). Это мне толчок дало — думаю, что она там лепит! Я могу так же написать.

— А Шекспира, Мольера?

— ...Лопе де Вега. А как же — в школе играла в «Учителе танцев».

— В жизни мало играете?

— Я прямолинейная, как та бабушка (персонаж «Моего голубого друга»). — «Известия», — у меня и погоняло «Правильная бабка».

— Реальное погоняло?

— Да. На каждой тюрьме вылезаешь в окно и кричишь: «Тюрьма-тюрьма, дай мне имя!» Какой отклик — так и назовут.

— Вы работаете слесарем-сантехником?

— Да, водопровод, канализация, отопление — все на мне. Мне это нравится, и больше я ничего не умею... У меня нет свободного времени, а если есть, то читаю, и тогда меня не канировать. Когда появляется желание писать, могу и на туалетной бумаге. Все гениальное написано до меня, повторять-

ся не хочется, и я, может быть, случайный человек в вашей тусовке. Кто знает, как меня воспримет этот мир.

— Есть у вас советчики, которыми пьесы показываете?

— У меня есть подружка, сентиментальная такая, если плачет — значит, нравится. Если рыло ворочит — не пойдет. Хотя она не компетентна — проста как хозяйственное мыло. А как можно советовать, если никто из нас никогда не писал?

— Могут сказать — все неправда...

— Я такой человек — если мне нравится, трудно переубедить. Оделась, говорят, немодно, а мне нравится — значит, супер.

— Для кино не хотите писать?

— Я не делаю того, чего не умею. Телевизор редко смотрю, времени на него нет. На видаки мы собираемся своей компашкой — порнушку или боевики с Ван Даммом смотреть. Ужасы не люблю: берегу больное сердце. К тому же

там все знаешь наперед, как в любовном романе. В «Последнем танго в Париже» мне артистка не понравилась — какая-то у нее повышенная лохматость, еще и разделась. «Все о моей матери» по зоне гуляет, причем смотрят ее узкие блатные круги. Нельзя хороший фильм на обшак кидать — должна «шерсть» смотреть. «Шерстяные» — это блатные, а блатные — это каста.

— А вы кто?

— Блатная, наверное. Только в чем моя элитарность, если я в грязных сапогах кирзовых разве что не сплю — посреди ночи могут вызвать.

— Чем будете заниматься после освобождения?

— Не знаю. Сельским хозяйством, наверное, люблю в земле ковыряться.

— Как Виктор Астафьев...

— Домушник, да? Пишет в свободное от земли время. Не знаю, никогда ничего не загадываю. Слесарем — это я люблю и умею.